Марина А. Симакова
Европейский университет в Санкт-Петербурге, Россия

Политическая реакция как «пассивная революция»: попытка концептуализации

Данная статья посвящена исследованию феномена политической реакции, систематическое изучение которого фактически отсутствует в области социальных и гуманитарных наук. Автор предлагает критическое описание этого феномена на основе построения его краткой исторической и понятийной генеалогии. История понятия «реакции» и его интеграции в политический словарь восходит к интеллектуальной истории рецепции Просвещения, в результате чего утверждается генетическая связь реакции и революции, а также реакции и прогрессизма.

Автор формулирует наиболее типичные подходы к пониманию и применению понятия политической реакции: историко-хронологический и дискурсивный. Примеры, иллюстрирующие применение обоих подходов, позволяют обнаружить и описать политические установки, которые могут быть описаны как «реакционные», а также проанализировать их идеологическое и идейное содержание. Согласно историко-хронологическому подходу, политическая реакция понимается как рефлекс, т.е. как прямое следствие революционных преобразований или реформ, выраженное в попытке возвращения к исходному порядку. Согласно дискурсивному подходу, реакция может пониматься негативно (отрицание изменений) и аффирмативно (утверждение ранее дискредитированных социально-политических установок). Делается вывод, что отказ от преобразований не является ни условием, ни идейным принципом реакционного режима, движения или риторики.

В силу ограничений существующих подходов, не позволяющих учесть многообразие факторов, обусловливающих политическую реакцию как комплексное явление социальной-политической жизни, автор предлагает альтернативный способ его концептуализации. Так, идейным принципом реакции является защита порядка, детерминирующего характер социальных изменений и ограничивающего участие в их осуществлении. Условием возникновения реакции оказывается

Симакова Марина Алексеевна — сотрудник факультета социологии и философии Европейского университета в Санкт-Петербурге, младший редактор журнала «Stasis». Научные интересы: критическая теория, социально-политическая философия, исследования культуры. E-mail: m.a.simakova@gmail.com

Marina A. Simakova — research assistant, Department of Sociology and Philosophy, European University at St Petersburg, junior editor of the academic journal “Stasis”. Academic interests: critical theory, social and political philosophy, cultural studies. E-mail: m.a.simakova@gmail.com

Sociology of Power
Vol. 30
№ 4 (2018)

возникновение различных политических и экономических вызовов, в результате которых господствующий социальный порядок трансформируется в целях его укрепления. В этой связи реакция определяется как «пассивная революция» в соответствии с концепцией, предложенной Антонио Грамши для описания модернизации, проводимой в целях удержания гегемонии элит и перехвата запроса на социальное и политическое изменение.

Ключевые слова: реакция, революция, Грамши, прогресс, риторика, идеология

Marina A. Simakova, European University at St Petersburg, Russia
Political Reaction as Passive Revolution: Attempting a Conceptualization

This article investigates the phenomenon of political reaction — a topic that has rarely been the subject of systematic study. Political reaction is described here in the context of its brief historical and conceptual genealogy. The history of the concept of "reaction" and its inclusion in the political vocabulary dates back to the events of the French Revolution and the Enlightenment. This explains why there is a genetic relation between both reaction and progressivism and between reaction and revolution.

The author distinguishes two typical approaches to the concept of political reaction and its application: historico-chronological and discursive. Examples that illustrate the usage of these approaches reveal various political attitudes which can be described as "reactionary", and serve as a basis for the analysis of their ideological and conceptual content. According to the historico-chronological approach, political reaction is understood as a reflex phenomenon that is a direct consequence of revolutionary change or reform; this reflex is represented by an attempt at restoring the order that preceded its transformation. According to the discursive approach, political reaction can be understood as negative (negation of change) or affirmative (assertion of the socio-political attitudes that were discredited). The article demonstrates that the rejection of change is neither the necessary condition nor the principle of a reactionary regime or rhetoric.

Since the two presented approaches are limited and do not take into account a variety of factors determining reaction as a complex phenomenon of social and political life, the article offers an alternative approach to its conceptualization. A key principle of political reaction consists in the protection of order which defines the character of social change and limits political participation in the process of this change. Political reaction is conditioned by political and socio-economic challenges, which demands the transformation of the dominant social order for the sake of its reinforcement. In this context, political reaction is defined as a "passive revolution" within the framework offered by Antonio Gramsci for describing modernization that aims at preserving the hegemony of the elites and the appropriation of popular demand for social and political change.

Keywords: reaction, revolution, Gramsci, progress, rhetoric, ideology

doi: 10.22394/2074-0492-2018-4-47-68

Время реакции

В последние несколько лет предостережения о том, что мир вступил в эпоху новой, глобальной реакции, повторяются с завидным постоянством. В качестве заметного симптома «реакционного поворота» приводится рост популярности отдельных политических лидеров, придерживающихся правых политических взглядов или обещающих возвращение национального величия, а также рост националистических и ксенофобных настроений на фоне социально-политических кризисов. Подобного рода опасения легко перерастают в алармистские высказывания (впрочем, вполне оправданные) о материализации призрака фашизма по всему миру [Hardt, Mezzadra, 2017, p. 650]. И хотя резкие утверждения такого типа порождают преждевременную панику, они тем не менее указывают на цель, которую стоит учитывать современным левым стратегиям — тотальную мобилизацию на борьбу с реакционными силами.

Заявления о глобальном реакционном повороте в большинстве случаев основаны не столько на фактах формирования реакционных политических режимов, сколько на укреплении консервативной риторике властей и правящих партий, преобладающей после экономического кризиса 2008 года. При этом почти повсеместный подъем правопопулистских партий и правых движений в странах Евросоюза и за его пределами, также наблюдаемый сегодня, был зафиксирован гораздо раньше[1], начиная с 1990-х годов [Водак, 2018, с. 76]. В этом смысле можно говорить о разнообразии траекторий развития политической культуры, включающем в себя и появление националистических и национально-освободительных проектов, и провокации со стороны политиков-трикстеров, и господство правого популизма. Причины подобных изменений — кризис репрезентации, нестабильная занятость, структурные трансформации национальных и глобальной экономик — нередко становятся предметом интереса теоретиков, возвещающих пришествие «нового фашизма» [Вирно, Кайндль, Саншайн, 2011]. Вместе с тем реакция как самостоятельное явление общественно-политической жизни и как понятие, привычно используемое для описания происходящих процессов, как правило, оказывается на периферии исследовательского внимания.

Нужно заметить, что само прилагательное «реакционный» чаще всего принимает характер расхожей политической инвективы,

1 О подъеме правых и праворадикальных движений начиная с средины 90-х годов, разнице их взглядов и стратегий см., например, [Betz, 1994; Gingrich and Banks, 2006; Rydgren 2005].

функционируя в качестве популярного клише, выражающего политическое презрение. Обвинение в реакционности может звучать в адрес совершенно различных политических сил (реформистских, консервативных, традиционалистских) и социальных групп: от активистов эко-коммун, обвиняемых в анархо-примитивистском подходе и архаичном способе организации социально-политической жизни, до представителей экономических и политических элит, заинтересованных в сохранении сложившегося порядка вещей. Так всякий человек или группа, придерживающиеся каких угодно политических взглядов и находящиеся на любой из возможных сторон политического спектра, в определенной ситуации могут быть причислены к реакционерам. При этом крайне редко в истории встречаются случаи, когда та или иная группа или политический лидер, представляющие определенную партию или режим, самолично расписываются в собственной реакционности или называют реакционным движение, к которому принадлежат. Показательным исключением из этого правила можно считать Муссолини, чьи симпатии к экстравагантной и парадоксальной риторике широко известны: фашистский режим, по его заявлению, носил реакционный характер по отношению к либерализму[1]. Еще одно исключение составляют представители современного движения «альтернативных правых», которые открыто именуют себя реакционерами [Moldbug, 2008].

Использование слова «реакция» в качестве устоявшегося пейоратива заставляет воспринимать его значение в качестве самоочевидного. Реакционером оказывается тот, кто противится реализации изменений, или тот, кто при наличии выбора из двух вариантов политического или социального действия, более и менее радикального, выбирает наиболее умеренный. В то же время реакционером нередко считается человек, чьи политические симпатии несовместимы с принципами и траекториями развития прогрессивной мысли и революционной практики. Так или иначе, реакционером не рождаются и даже не становятся: реакция — это перформативный процесс, требующий слова и действия, утверждающего политический выбор. О каком выборе здесь идет речь? Можно ли сформулировать набор принципов, лежащих в основании реакционных воззрений? Есть ли связь между человеком, стихийно заслужившим звание реакционера, реакционной политикой и реакционным ре-

1 «Фашизм, который не боялся назваться реакционным в тот момент, когда многие современные либералы склонились перед триумфальным животным [Демократией], не испытывает трудностей с тем, чтобы провозгласить свой нелиберальный и антилиберальный характере» [Seldes, 1943, p. 277].

жимом? Что собой представляет реакция как политический процесс и как этот процесс можно отличить от локальных вспышек праворадикальных настроений? Ориентация левой политики на борьбу с реакционными силами требует ответов на все эти вопросы, по мере разъяснения которых далее будет предложена попытка концептуализации политической реакции.

К генеалогии реакции: революция и ее двойник

Заимствованный из словаря ньютоновской физики, термин «реакция» появляется в работах теоретиков эпохи Просвещения, которые используют его в качестве метафоры для обозначения обратного действия или некоего естественного рефлекса. Так Монтескье, разъясняя свой замысел и «метод», используемый в «О духе законов», первым использует понятие «противодействие» в политическом смысле. Принцип реакции лежит в основе соответствия законов принципам правления, их взаимной детерминации. Этот же принцип фундирует динамическое единство системы сдержек и противовесов, а также объясняет характер взаимодействия правителей и граждан.

Вскоре, в самом начале Французской революции, слово «реакция» становится частью живого политического словаря, но при этом используется как роялистами, так и защитниками революции. В контексте революционных дебатов «реакция» меняет свой политический смысл: с одной стороны, одна партия то и дело обвиняет другую в реакционности, с другой — призывает к реакции как к необходимому ответному действию [Старобинский, 2008, с. 329-330]. Бенжамен Констан, в ту пору еще выступавший на стороне революционеров, определяет реакцию как «ретроградное движение», которое стремится «восстановить все предрассудки» и ассоциирует его с антипрогрессивными установками и своеобразным ностальгическим пафосом [Constant, 2002, p. 62]. Было бы неверным сводить это определение к осмыслению реалий Французской революции, в ходе которой фигура реакционера стихийно возникает для обозначения политического оппонента и идеологического врага. Для Констана не менее, а может быть, более определяющим является Просвещение, понятое и как система взглядов, и как процесс совершенствования человеческого рода[1], которому противопоставляется религиозность, отсталость или, выражаясь кантовским языком, отказ человечества выходить из состояния несовершеннолетия. В разгар Французской революции эта идея, восходящая еще к Руссо, находит

1 См. примеч. в [Старобинский, 2008, с. 459]

свое фундаментальное выражение у жирондиста Кондорсе, провозгласившего триумф человеческого разума и курс на поступательное всестороннее развитие общества и человека, реализующего свободу во всей ее полноте [Кондорсе, 1936]. В этом смысле реакция противопоставляется не только и не столько революции, сколько эволюции и прогрессу, а реакционность может пониматься как стремление препятствовать всякому развитию, ведущему к разрушению старого порядка и формированию новых ценностных ориентиров.

Примечательно, что прогрессистское определение реакции, данное Констаном, справедливо и по сей день: за два столетия термин, плотно укоренившийся в политическом и политизированном лексиконе, не претерпел никакого семантического сдвига. Парадоксальным образом этому немало способствовали масштаб, темп и структурный характер изменений, выпавших на долю XIX столетия (рост городов, промышленная революция, развитие естественных наук, расцвет культуры и искусств, и пр.). В результате ощутимых перемен, словно утверждавших действительную неизбежность исторического прогресса, изменение как таковое становится проблемой и важнейшим предметом философской рефлексии и политической практики. Такое положение вещей еще сильнее обостряло поляризацию между теми, кто полагал необходимым изменения форсировать, т.е. условными «прогрессистами» разной степени радикализма, и теми, кто стремился их обратить или хотя бы предотвратить — «реакционерами». Так и в политике XX столетия, по меткому замечанию Хобсбаума, действительная граница пролегала вовсе не между капитализмом и коммунизмом, а между потомками Просвещения и революций, включая русскую, и их оппонентами — между понятиями «реакции» и «прогресса», принадлежащими XIX веку [Хобсбаум, 2004, с. 159].

В этой связи реакцию вполне справедливо будет понимать как симметричный ответ на Просвещение, стоявшее у истоков Французской революции и прогрессистского мышления. Этот ответ принимал совершенно различные формы и не ограничивался сугубо интеллектуальной рефлексией социально-политических преобразований. Так, например, романтизм как движение, имевшее откровенно реакционный характер по отношению к просветителям, сделало реакцию частью своего философского и художественного метода, тем самым осуществив заметную модернизацию культуры. Важно здесь, однако, другое. Провозгласив «вкус к бесконечному», романтики от Шатобриана до Шиллера и от Новалиса до Байрона стремились наметить элементы порядка, альтернативного постреволюционной данности. Ностальгический импульс романтиков, обращающий их не столько к утраченному, сколько к отсутствующему прошлому, укрепил политический статус воображения, не-

обходимого для того, чтобы представить иное положение вещей. И хотя романтизм можно с легкостью интерпретировать как движение эскапистское и означенное, по меткому замечанию Шмитта, «политическим окказионализмом», оно навсегда порывает с представлением, согласно которому человечество пребывает в «лучшем из возможных миров». Прогрессистское воображение, противостоящее сентиментализму романтиков, в дальнейшем всегда будет исходить именно из этого разрыва, приравнивая альтернативный порядок к лучшему будущему.

Стоит оговориться, что заметная роль реакции в становлении политического воображения не отменяет того, что история все-таки этому воображению предшествовала. Французская революция была непосредственным отрицанием господствующего порядка, в связи с чем возникает соблазн понимать реакцию как вторую фазу развертывания диалектического процесса, т.е. как «отрицание отрицания»[1]. И хотя антагонизм ньютоновских сил действительно предполагает аксиоматический статус негативности, сведение реакции к логической процедуре негации скорее затемняет, нежели проясняет ее теоретические основания. Это еще более справедливо в отношении оснований социально-исторических: революция не только отрицает сложившийся порядок, но и отвечает — *реагирует* — на исторические предпосылки формирования порядка нового, будь то секуляризация, формирование «третьего сословия», развитие производительных сил, острый социально-политический кризис и т.д.

Для того, чтобы преодолеть это концептуальное затруднение, стоит вспомнить, что в самом понятии революции есть элемент обратимости. Как известно, слово революция пришло из языка астрономии: когда-то оно означало (и означает до сих пор) вращение планет вокруг солнца, т.е. повторяющееся движение по одной и той же траектории. Циклическое и физическое время революции, фундирующее ее возвратный смысл, после 1789 г. сменилось временем линейным и историческим. Обращая внимание на этот утерянный циклический смысл, смысл революции как возвращения, Арендт замечает, что все революции XVII и XVIII века задумывались и начинались как реставрации, утверждая «свободу, Божиим благословением восстановленную» [Арендт, 2011, с. 52]. В этом значении революцию можно интерпретировать в качестве своеобразной политической реакции *avant la lettre*. Однако этот момент неминуемого возвращения и вращения не исчезает и в индустриальную эпо-

1 В частности, такой способ понимать реакцию предлагает Старобинский [Старобинский, 2008, с. 331].

ху. Неизбежность возврата, имеющая космологическое объяснение, впоследствии становится исторической необходимостью, которой, по Марксу, надлежит стать свободой, завоеванной уже в результате революции социальной и социалистической. В то же время элемент вращения сохраняется как крутящий момент локомотива истории, внутренний принцип ее движения к воображаемому концу. Усвоенный как прогрессистами, так и реакционерами урок Французской революции состоял в том, что экстренное торможение не останавливает и уж точно не оборачивает локомотив вспять, но срывает с рельс весь состав.

Революция и реакция являются процессами, взаимно конституирующими и внутренне присущими друг другу. Их резкая демаркация, тем не менее, подразумевается наиболее распространенным подходом, который можно условно назвать историко-хронологическим. Согласно этому подходу, концептуальное содержание реакции исчерпывается ее предельно общим значением политической реставрации в конкретный исторический период. Реакционным считается политический режим, в рамках которого реализуется комплекс политических мер, нацеленных на восстановление и укрепление порядка, ослабленного или измененного в результате массовых восстаний в ходе демократических реформ. К таким режимам, как правило, относят германские государства после неудачных революций 1848-49 гг., период правления Николая I, франкистскую Испанию, Португалию в период правления Салазара, вишистский режим маршала Петена, тэтчеризм и др. Здесь социально-историческое мышление подменяется каузальным: реакция понимается как следствие преобразований, пусть и следствие не всегда обязательное. В некоторых случаях этой каузальной связи все-таки придается характер закономерности, что чревато натурализацией реакционной политики, когда сама реакция выдается за производную некоего квазиестественного порядка.

Эта «сильная» каузальная логика может использоваться в апологетике реакционных мер, но она с тем же успехом периодически фундирует как умеренно-консервативный аргумент в пользу мягких реформ, так и анархистскую программу. Так, в частности, один из известнейших представителей русского либерального консерватизма Чичерин в своем «Курсе государственной науки» заявляет, что революция, как и всякое общественное волнение, всегда влечет за собой реакцию, которая в первую очередь происходит в «общественном сознании», растревоженном беспорядком, а уже потом непременно реализуется как политика государства или церкви. Революция и реакция здесь рассматриваются как две крайности, не соответствующие аристотелианскому идеалу умеренности, положенному в основание общего блага. Реакция препятствует посту-

пательному развитию экономики и общественной жизни, но именно в ее объятия, по Чичерину, кидаются промышленные классы при внутренних переворотах, мешающих делам и сулящих потери [Чичерин, 1896, с. 212]. Ответственность за это возлагается Чичериным именно на мятежников и проповедников «социалистических идеалов». Примечательно, что эту же каузальную логику (правда, совершенно на других политических основаниях) демонстрирует «святой Макс» — персоналист-анархист Штирнер. Если для Чичерина революция и реакция представляют собой лишь два полюса политического радикализма, то для Штирнера они попросту оказываются недостаточно радикальными. Приветствуя как нападки на господствующий порядок, так и разгром революционеров, Штирнер показывает, что революция, как и реформация, только усиливает и расширяет власть государства [Welsh, 2010, p. 72]. Так в историко-хронологической перспективе сама пара революция-реакция формирует замкнутый цикл, встроенный в линейную картину становления политической истории.

Идеология и риторика: резистентность реакционных аргументов

Как известно, Французская революция, к которой генеалогически восходит реакция как понятие и явление общественно-политической жизни, ознаменовалась рождением политических идеологий. Справедливо ли будет в таком случае говорить о специфическом и устойчивом идеологическом содержании реакции, или реакционером можно быть лишь ситуативно, т.е. препятствуя тем или иным изменениям в конкретных обстоятельствах? Если в пространстве политической дискуссии ярлык «реакционер» одинаково применим по отношению к традиционалисту, консерватору, реваншисту и реформисту, то значит ли это, что реакция, будь ее референтом Просвещение, революция или прогресс, связана с принципиально разным набором идей и ценностных ориентаций, или все-таки у этих идей имеется нечто общее?

Уже в контексте Французской революции идеологическое содержание реакции не исчерпывается конфликтом между «правыми» роялистами и «левыми» революционерами и требует нюансировки. Антуан Компаньон выделяет три типа доктрин, в соответствии с различными представлениями об альтернативном революции пути, по которому должна была пойти Франция. Первая доктрина, консервативная (или традиционалистская), предполагала т.н. «интегральный абсолютизм» — абсолютную власть монархии, ограниченную лишь естественным правом, моральным законом и религиозными догмами по образцу монархии, сложившейся во времена

Людовика XIV. Вторая доктрина, которую Компаньон называет «реакционной», подразумевала возврат к феодальным порядкам, при этом в качестве политического идеала здесь выступала аристократическая республиканская Венеция, противопоставленная абсолютной монархии как тирании. Наконец, третья доктрина, «реформистская», основанная на симпатиях к английскому прагматизму и рационализму, охарактеризовалась положительным отношением к изменениям и стремилась к конституционной монархии по британскому образцу [Compagnon, 2005, p. 25-26].

Как видно из этой классификации, реакцией здесь оказывается не отрицание революции, а неприятие модерна и сопутствующих ему изменений, квинтэссенцией которых стала Французская революция. Компаньон сознательно смещает акценты для того, чтобы сосредоточиться на истории антимодернистских идей, а не революции, однако его специальный, *ad hoc* подход к интерпретации реакции уводит в сторону от попытки выстроить ее политическую генеалогию. По отношению к революции каждая из описанных им доктрин оказывается реакционной, и в этом смысле реакция может отождествляться с контрреволюцией.

Здесь стоит вспомнить высказывание де Местра, на которое обращают внимание и Компаньон, и Арендт: «Контрреволюция ни в коей мере не будет революцией наоборот, но полной противоположностью революции» [Арендт, 2011, с. 14; Compagnon, 2005, p. 28-29]. Де Местр, в свою очередь полемизируя с Кондорсе, противопоставляет контрреволюции как «отрицанию отрицания» (т.е. анти-революции — «революционному» жесту по отношению к самой революции), восстановление монархии, отрицающей революцию как таковую. По де Местру, реакция должна получить автономный статус, установив режим, для которого революции не существует как возможного референта. Арендт напрасно считает это заявление бессодержательным: абсолютная монархия, реставрацию которой приветствует де Местр, не столько не учитывает революцию как событие, сколько претендует на то, чтобы растворить всякое упоминание о ней в самой себе, присваивая революционный импульс, а не дублируя революционный жест.

Значимым явлением, демонстрирующим другой идеологический извод реакции, является т.н. «консервативная революция». При всей общности критических интуиций те, кого привычно относят к представителям этого движения (Шмитт, Шпенглер, Юнгер, Меллер ван дер Брук и др.), известны своими разнородными взглядами, которые, без сомнения, были скоропостижной реакцией на социально-политический климат Веймарской республики. Однако, несмотря на реакционный характер этого движения, речь идет именно о «консервативной революции», на первый взгляд,

представляющей собой не что иное, как классический пример *contradictio in adjecto*. Реакция здесь понимается как лжеконсерватизм, цепляющийся за «пустые формы прошлого» и направленный на реставрацию режима [Молер, 2017, с. 62]. Истинный консерватизм, отчасти наследующий немецкому романтизму, заключается в сохранении неизменной и жизнеспособной традиции, оказывающейся сильнее всякого режима. Такой традиции не требуется нового содержания, ей нужна новая политическая форма, и потому Веймарская республика, неадекватная вечным ценностям традиции, должна быть разрушена. Революционная, а не эволюционная направленность этого консерватизма состоит в установке на разрыв прогрессистской логики и готовности к насильственному изменению сложившегося порядка. «Для консерватора есть вещи, существующие всегда, а “революция” всего лишь должна служить результату — новой организации уже наличествующего» [Там же, с. 180].

Тем не менее, сложно не согласиться с тезисом о том, что хотя и не все контрреволюционеры консервативны, но все консерваторы так или иначе контрреволюционны [Robin, 2018, p. 29]. Вопреки альтернативной программе, предложенной представителями «консервативной революции», консерватизм как идеологию, впервые намеченную Берком и Шатобрианом, действительно нельзя мыслить в отрыве от контрреволюционной риторики — риторики реакции.

Риторический, или дискурсивный подход к пониманию политической реакции можно противопоставить подходу историко-хронологическому. В данном случае реакционной силой не обязательно оказывается государство, реализующее политику, призванную обратить предшествующие ей изменения, такой силой могут быть различные социальные группы и движения. Однако сам реакционный дискурс здесь может пониматься двояко — и как набор риторических фигур и ходов, сопровождающих политику отказа от социальных изменений, и как риторика «предрассудков» (ксенофобских, расистских, сексистских, и пр.), претендующая на то, чтобы вдохнуть новую жизнь в дискредитированные идеологические пережитки. Определение реакции, когда-то представленное Констаном, остается рабочим, но раздваивается на *негативную* и *аффирмативную* составляющие.

Альберт Хиршман, противопоставляющий реакцию «последовательному продвижению вперед», выделяет три волны реакционной риторики: 1) противостояние всеобщему равенству перед законом и универсальному характеру гражданских прав (реакция на Французскую революцию); 2) опровержение необходимости всеобщего избирательного права (реакция на суфражизм, парламентаризм, критика «восстания масс»); 3) оправдание демонтажа государства

всеобщего благосостояния («рейганизм» и «тэтчеризм») [Хиршман, 2010, с. 13]. Здесь революция и реформа оказываются равнозначными источниками негативной реакции. Хиршман также выделяет три «реактивно-реакционных» дискурсивных стратегии, задействованные в риторике каждой из этих волн: «извращение» — тезис о том, что исправление обстоятельств повлечет за собой их усугубление; «тщетность» — заявление о бесплодности и безрезультатности всякого изменения; «опасность» — указание на угрозы, которые таят в себе возможные изменения [Там же, с. 17]. Можно заметить, что эти стратегии содержат в себе идеи, составляющие смысловое ядро аргументации многих консервативно настроенных теоретиков, реагирующих на потрясения своей эпохи. Так, опасность отсылает к идее страха, описанного еще Гоббсом в качестве фундаментальной эмоции человека, требующего защиты со стороны всесильного суверена. Тщетность напоминает о пессимизме, связанном с признанием изначального зла в человеческой природе. Наследуя концепции первородного греха, эта идея протягивается от де Местра и вплоть до Бердяева — мыслителей, признававших несовершенство любого секулярного порядка, исправление которого, однако, влечет за собой лишь умножение зла. Стратегия извращения, в свою очередь, отсылает к идее нарушения гармонии, присутствующей, например, у Берка. Именно гармония, истолкованная как естественный баланс сил, действующих в природе и обществе, по Берку, нарушается революционным действием.

Второй, аффирмативный способ толкования реакционной риторики, призванной учреждать предрассудки, предполагает, что такая риторика может сопровождать режим, взявший курс на радикальные изменения. В данном случае реакционная риторика, как правило, сопутствует процессу консолидации власти в руках (новых) элит. Самыми известными примерами тотального господства идеологически заряженной реакционной риторики, идущей рука об руку с агрессивной модернизацией, являются нацизм и фашизм. Несмотря на то, что политика Третьего Рейха, равно как и политика Муссолини, была ориентирована на построение великого будущего нации и даже на создание нового антропологического типа, это будущее было укоренено в мифе о прошлом. В этой связи стоит отметить, что хотя реакция и является порождением модерна и прогрессистского мышления, ее генеалогия не опровергает возможность быть прогрессистом и реакционером одновременно. Именно поэтому нацистский и фашистский проекты с характерными для них ценностями, культурными ориентирами и политическими решениями иногда описываются как разные версии «реакционного модернизма» [Herf, 1984, 1996].

Подобного рода синтез консервативного и прогрессистского импульсов, или удерживание реакционного и модернистского «импе-

ративов», образующее механизм адаптации к изменениям, может рассматриваться как общая характеристика для радикально правых движений [Chryssogelos, 2014, p. 85]. Этот синтез достигает своего апогея в реакционной риторике т.н. «альтернативных правых», или *альт-райт* — преимущественно американского движения, чьи идеи сегодня набирают популярность по обе стороны Атлантики. Если представители «консервативной революции» за редким исключением отрицательно, если не презрительно, относились к либерализму и капитализму, то сегодняшние альт-райт видят в капиталистической организации отношений единственно верный ответ на вызовы времени и инструмент, которым пока еще никто не рискнул воспользоваться в полную силу. По своим экономическим взглядам представители альт-райт в чем-то близки к технократическому либертарианству, но представляют его радикально правую, экстремальную версию. Политика, по альт-райт, должна раствориться в управлении, которому предстоит стать опорой системы под названием «неокамерализм». Неокамерализм предполагает, что государство существует в качестве суверенной корпорации («sovcorp»), принадлежащей вместе с землей и ресурсами своим акционерам [Moldbug, 2007a]. Либертарианцам с альт-райт не по пути: цель последних заключается не в том, чтобы ограничить вмешательство государства в экономику и частную жизнь, а скорее в том, чтобы вырастить государство принципиально нового типа, куда более могущественное. Доведенная до своего логического и идеологического максимума, либертарианская политика в руках альтернативных правых уже не может довольствоваться мечтой о государстве в роли ночного сторожа, ей требуется полновластный капиталистический суверен. И если у Маркса государство зачастую рассматривалось как инструмент, находящийся в руках господствующего класса, обеспечивающий функционирование капитализма и маскирующий его устройство, то программа альтернативных правых предполагает, что экономические элиты сами становятся государством, будучи его прямыми собственниками. Одной из предполагаемых форм правления в таком государстве может стать «массархия» — иерархический порядок организации корпоративной власти, легитимность которой обеспечивается лояльностью ее клиентов. Еще одной формой правления, предложенной неореакционерами, оказывается «фьютархия»[1] — государство, функционирующее по аналогии с ги-

1 В названии обыгрывается механизм фьючерсов — специальных соглашений, определяющих цену и условия сделки, которая может быть совершена в определенном будущем. Такие соглашения являются предметом купли-продажи и обращаются на фондовом рынке.

гантским свободным рынком. Политические решения обращаются на этом рынке в качестве товаров, цены на которые определяют участники рынка (граждане как спекулянты!), а принятие решений зависит от их рыночной стоимости в конкретный момент времени [Hanson, 2013].

Помимо экономики как основы политического проекта, альтернативные правые утверждают необходимость радикальной ревизии программы Просвещения (или, пользуясь языком Ника Ланда, предлагают альтернативное, «Темное Просвещение»). Такого рода ревизия означает не только курс на забвение Вольтера, Дидро и в особенности Руссо, но и, в частности, полный отказ от политического наследия американских отцов-основателей. Американская революция, равно как Французская и Русская революции, для альтернативных правых воплощает собой «преступный произвол толпы» [Moldbug, 2007b]. Оптимизм просветителей, фундирующий стремление человека к счастью, а также убежденность отцов-основателей в необходимости всеобщего права на это стремление, воспринимается неореакционерами как благоглупость и величайший обман. «Темное просвещение» в том числе состоит в просвещенном знании о том, что никакого счастья (а также равенства и справедливости) нет и быть не может.

Еще одной мишенью альт-райт становится демократия, под которой в первую очередь понимается сочетание репрезентативной либеральной демократии с нормативной программой политкорректности, якобы нарушающей свободу человека. При этом неореакционеры паразитируют на концепции культурных различий, лежащей в основе ненавистной им толерантности. Для альт-райт культурные различия предсказуемо являются производными от биологических и подлежат не столько социальной, сколько биологической регуляции [Land, 2014], вследствие чего неореакционеры выставляют анти-расизм догмой, ставящей культурные различия под сомнение. Социально-экономические причины, процессы, сопутствующие формированию культурных различий *как* различий, т.е. обстоятельства их политического изобретения альтернативных правых не интересуют.

Ставка на экономику как универсальную технику управления, а также установка на развитие технической регуляции социального порядка обнаруживает модернизационный импульс и модернистский императив альтернативных правых. Этот императив парадоксальным образом сочетается с отрицанием идеи прогресса. Неприятие прогрессизма заставляет альт-райт открыто называться реакционерами, определяя реакцию как гибкую систему взглядов, состоящую из трех нерушимых ценностей: порядка, стабильности и безопасности [Moldbug, 2008]. Нетрудно заметить, что эти ценно-

сти являются реинкарнацией описанных выше консервативных идей, только с обратным знаком — дисгармонии как нарушения порядка, страха, заставляющего искать стабильности, и изначального зла в человеческой природе, обусловливающего опасность всякого совместного существования. Вне зависимости от особенностей того или иного движения, эти три идеи неизменно находят свое выражение в реакционной риторике. Таким образом, трансисторичный характер обозначенных Хиршманом риторических стратегий (каждая из них непременно актуализируется в различных обстоятельствах той или иной реакционной «волны»), вызывающий некоторый скепсис, тем не менее, позволяет указать на преемственность тезисов и устойчивость реакционных аргументов. Вероятно, именно их резистентность, а не концептуальное содержание, вскрывает идеологическую подоплеку реакции.

Реакция как пассивная революция

Как историко-хронологический, так и дискурсивный подход к интерпретации политической реакции обладают некоторыми ограничениями. Первый из них, как уже отмечалось выше, как правило, сводит реакцию к механистичному ответу на предыдущие изменения, который выражается в реставрации прежде демонтированного или измененного политического режима. Второй подход, риторический, сводит реакцию к области идей и потому не позволяет рассматривать ее в качестве комплексного общественно-политического явления, обусловленного взаимодействием различных сил и факторов (экономических, технологических, территориально-географических, культурных и пр.). Для того, чтобы преодолеть эти ограничения, предлагается обратиться к концепции «пассивной революции» Грамши, предложенной им в «Тюремных тетрадях».

Концепция «пассивной революции» широко используется в социальных и гуманитарных науках в качестве теоретической рамки в контексте совершенно различных исследований[1]. Это позволяет говорить не столько об эвристичности самой концепции, сколько испытывать некоторые опасения относительно неоправданного расширения ее смысла, или даже его девальвации [Callinicos, 2010]. Содержанием этой концепции, нередко приносимым в жертву логической схеме, является ее политическое послание. «Пассивная революция» — это наименование системных процессов, которые можно описать в качестве противодействующих, мешающих и затрудняющих революционное действие. Свер-

1 См., например, тематический номер *Capital and Class*, 34 (3), 2010.

шившаяся «пассивная революция» свидетельствует о том, что «позиционная война» (борьба за гегемонию) выиграна элитами, или господствующими классами, что временно делает «войну маневра» (т.е. массовое революционное восстание, нацеленное на захват власти) невозможной.

Определяя «пассивную революцию» как «революцию без революции», Грамши развивает несколько интуиций, раскрывающих различные аспекты социально-политических преобразований в конкретных исторических обстоятельствах. По Грамши, экономизм, характерный для традиционной марксистской догматики начала прошлого столетия, не в состоянии объяснить те конфликты и противоречия, которые пронизывают социальную реальность и порождают «затруднения, абсурдные позиции и моральные и экономические кризисы, зачастую чреватые катастрофой» [Gramsci, 1995, p. 561]. В разное время Грамши поясняет концепцию «пассивной революции» с помощью трех разнородных примеров. Первый из них — *Risorgimento*, процесс объединения итальянских земель в единое национальное государство, послуживший политическим завершением перехода от некапиталистического способа производства к капитализму в Италии. Этот процесс был инициирован государством и феодальными классами, занявшими место «локальных групп, ведущих борьбу за обновление» [Gramsci, 1971, p. 105-106].

Второй пример связан с реорганизацией системы производства, технологический характер которой имел не только экономические, но и политические последствия. Здесь Грамши имеет в виду переход к фордизму на капиталистических предприятиях Америки в начале XX века, совершенный в целях преодоления тенденции нормы прибыли к понижению. «Пассивной революцией» здесь оказывается реакция других государств, перед которыми встала ответная необходимость модернизации производства. Присвоение обновленческого импульса здесь также заключается в форсировании индивидуалистической логики капитализма в противовес возможной организации производства на новых основаниях — например, в режиме командно-плановой экономики [Gramsci, 1995, p. 418]. Третьей, сугубо политической иллюстрацией «пассивной революции» оказывается итальянский фашизм, утвердившийся в процессе перераспределения политических интересов в момент политической нестабильности и массового запроса на изменения.

Грамши подчеркивает модернистский императив фашизма как реакционной идеологии, «разрывавшейся между новым порядком и приверженностью наиболее ретроградным аспектам культуры и общественной жизни» [Gramsci, 1971, p. 559]. Кроме того, переход к фашизму в качестве «пассивной революции» не был обязан исклю-

чительно политическим интригам Муссолини, присвоившему себе «народную инициативу». «Пассивная революция» всегда сопряжена с целым рядом факторов, и в случае с фашизмом, как отмечает сам Грамши, таковыми могут считаться «полуколониальный» характер организации итальянской экономики (т.е. разрыв между промышленным севером и аграрным югом) и значительная роль «традиционных интеллектуалов» в объединении и обеспечении гегемонии правящих классов.

Во всех этих случаях «пассивная революция» состоит в нейтрализации несогласия и маскировке состояния глубокого социального кризиса с помощью различных мер и реформ, т.е. посредством социальной, экономической и/или политической реорганизации. По всей вероятности, сегодня эта маскировка заключается также в активном использовании популистской и провокационной риторики и геополитических конфликтов. Логически «пассивная революция» может рассматриваться в качестве ситуации «блокированной диалектики» [Buci-Gluksmann, 1980, p. 315], в которой «антагонистический потенциал самого тезиса полностью раскрывается до тех пор, пока не достигает момента, когда он вбирает в себя антитезис» [Gramsci, 1971, p. 110]. На уровне эмпирики это означает, что революционный и реставрационный импульсы, свойственные всякой кризисной ситуации, не симметричны, не равны, не соразмерны и с трудом поддаются контролю как снизу, так и сверху.

Итак, в самом общем виде «пассивная революция» обозначает процесс «революции-реставрации». Данный процесс можно также назвать реакционным переходом, или реакционным поворотом, во время которого социальные противоречия, т.е. структурные причины социального или политического кризиса смягчаются, а попытки опротестовать и пошатнуть господствующий порядок присваиваются этим порядком. Такое присвоение не просто способствует временному ослаблению социального напряжения, но и укрепляет положение тех, кто оказывается у власти. В этой связи возникает необходимость в некотором общем идейном принципе легитимации статуса кво, который может транслироваться с помощью различных риторических фигур и аргументов — от самых консервативных до реформистских. Этот принцип, звучание которого принимает различные обертоны в зависимости от обстоятельств, можно было бы сформулировать, перефразируя Кори Робина: некоторым пристало править, и потому они должны управлять. Робин также утверждает, что данный принцип видоизменяется в результате демократического вызова снизу, что не позволяет воспринимать реакцию как чистый рефлекс [Robin, 2018, p. 18]. Самая острая политическая реакция — это не откат назад, а именно модерниза-

ция. «Пассивная революция», в ходе которой порядок с необходимостью меняется в целях самосохранения, вполне соответствует этому принципу.

Разделение на реакцию как обратный рефлекс и реакцию как процесс контрреволюционной модернизации, преследующее рассуждение о реакции на протяжении всего этого текста, связано со следующим затруднением. Оно заключается в имплицитном различении социального и политического регистров, сказывающемся на классификации всякого изменения и его оценке. Специфика этого различения образует водораздел между различными вариантами политических онтологий. В данном случае можно ограничиться двумя общими решениями, указывающими на два противоположных способа соотнесения политического и социального. Если один подход состоит в том, что политика обладает принципиальной автономией, наполняет общественную жизнь политическим содержанием и организует ее, то в противоположной перспективе сами социальные отношения оказываются местом производства политики. От выбора этого онтологического решения зависит интерпретация как революции, так и реакции, при этом если различение на социальную и политическую революцию стало привычным, то реакция зачастую предполагает примат политического, в рамках которого она и сводится к рефлексу.

Марксистское понимание революции, противостоящее, скажем, республиканскому (в духе Арендт) считает социальную революцию важнейшей — если не единственно важной — составляющей революции политической. Именно социальный характер Французской, Русской и Китайской революций отличает их от Английской и Американской. В контексте исследования реакции примечательно рассуждение Эрнста Манделя, также предлагающего различать политическую и социальную революции. Если политическая революция, по Манделю, обратима, и потому за ней с большой вероятностью последует реставрация или термидор, то революция социальная необратима в принципе [Mandel, 1989]. В этом смысле политическая реакция либо все-таки должна мыслиться механистически как ответный рефлекс и отрицание революции, либо она должна включать в себя социальные преобразования, имеющие характер социальной контрреволюции. Именно на последнее, расширенное понимание, позволяющее учитывать связь реакции и социальной революции, имеет смысл опираться, пытаясь концептуализировать реакцию в марксистском ключе. Такой реакцией оказывается «пассивная революция» Грамши, представляющая собой специфическую форму контрреволюции, которая предвосхищает социальные изменения и устраняет возможности разрыва порядка — разрыва, который совершается социальной и политической революцией.

Процессы «пассивной революции», представлявшей собой скорее «правило, а не исключение в контексте социальной трансформации и модернизации» Германии и Италии [Thomas, 2006, p. 71], требовали не только анализа, но и адекватного ответа. Таким ответом со стороны Грамши стала его знаменитая теория гегемонии. Развивая концепцию «пассивной революции», Грамши указывает на то, что реакция всегда является порождением всех типов социальных отношений, вне зависимости от того, где эти отношения возникают — на производстве, в армии, в государственных бюрократических инстанциях или в институтах гражданского общества.

Библиография

Арендт Х. (2011) *О революции,* Moscow: Европа.

Вирно П., Кайндль К., Саншайн С. (2011) *Три текста о новом фашизме,* Moscow: Свободное марксистское издательство.

Водак Р. (2018) *Политика страха. Что значит дискурс правых популистов?* Харьков: Издательство «Гуманитарный Центр».

Молер А. (2017) *Консервативная революция в Германии 1918-1932,* М.: Тотенбург.

Старобинский Ж. (2008) *Действие и реакция: жизнь и приключение одной пары,* Спб.: Владимир Даль.

Хиршман А. (2010) *Риторика реакции: извращение, тщетность, опасность,* М.: Изд. Дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики.

Хобсбаум Э. (2004) *Эпоха крайностей: короткий двадцатый век (1914–1991),* М.: Издательство Независимая Газета.

Чичерин Б. (1896) *Курс государственной науки. В 3 ч. Ч. 2. Социология,* М.

Betz H.G. (1994) *Radical Right-Wing Populism in Western Europe,* Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Buci-Glucksmann C. (1980) *Gramsci and the State.* Translated by D. Fernbach. London: Lawrence and Wishart.

Callinicos A. (2010) *The Limits of Passive Revolution.* Capital & Class, 34 (3): 491-507.

Chryssogelos, A. (2015) Reaction and Adaptation in the Longue Durée: The Far-Right, International Politics and the State in Historical Perspective. R. Saull, A. Anievas, N. Davidson, & A. Fabry (eds) *The Longue Durée of the Far-Right: An International Historical Sociology*, Abingdon and New York: Routhledge: 85-105.

Compagnon A. (2005) *Les antimodernes: de Joseph de Maistre à Roland Barthes,* Paris: Gallimard.

Constant B. (2002 [1797]) *De la force du gouvernement. Des réactions politiques. Des effets de la Terreuractuel de la France & de la nécessité de s'y rallier,* Paris: Éditions du Boucher.

Gingrich M. and M. Banks (eds) (2006) *Neo-nationalism in Europe and Beyond*, London: Berghahn Books.

Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks,* translated and edited by Q. Hoare and G.N. Smith, New York: International Publishers.

Gramsci A. (1995) *Further Selections from the Prison Notebooks*, translated and edited by. D. Boothman, Minneapolis: Minnesota University Press.

Hanson R. (2013) Shall We Vote on Values, But Bet on Beliefs? *Journal of Political Philosophy*, 21 (2): 151-178.

Hardt M., Mezzadra S. (2017) October! To Commemorate the Future. *South Atlantic Quaterly*, 116 (4): 649-668.

Herf J. (1984) *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*, Cambridge: Cambridge University Press.

Herf J. (1996) Reactionary Modernism Reconsidered: Modernity, the West and the Nazis. Z. Sternhell (eds) *The Intellectual Revolt against Liberal Democracy, 1870–1945,* Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities: 131-158.

Land N. (2014) *Hyper-racism,* https://alternativeright.blog/2014/10/04/hyper-racism/

Mandel E. (1989) *The Marxist Case for Revolution Today, https://www.marxists.org/archive/mandel/1989/xx/rev-today.htm*

Moldbug M. (2007a) *Neocameralism and The Escalator of Massarchy,* https://www.unqualified-reservations.org/2007/12/neocameralism-and-escalator-of/

Moldbug M. (2007b) *Why am I not a Libertarian*, https://www.unqualified-reservations.org/2007/12/why-i-am-not-libertarian/

Moldbug M. (2008) *An Open Letter to Open-Minded Progressives: Chapter 3: The Jacobite History of the World*, https://www.unqualified-reservations.org/2008/05/ol3-jacobite-history-of-world/

Robin C. (2018) *The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Donald Trump*, New York: Oxford University Press.

Rydgren J. (2005) *Movements of Exclusion: Radical Right-wing Populism in the Western World*, New York: Nova Science.

Seldes G. (1943) *Facts and Fascism*, New York: In Fact.

Thomas P.D. (2006) *Modernity as "passive revolution": Gramsci and the Fundamental Concepts of Historical Materialism*. Journal of the Canadian Historical Association (CHA), New Series, 17 (2): 61-78.

Welsh J.F. (2010) *Max Stirner's Dialectical Egoism: A New Interpretation*, Lanham: Lexington Books.

References

Arendt H. (2011) *O revoliutsii. [On Revolution],* M.: Evropa.

Betz H.G. (1994) *Radical Right-Wing Populism in Western Europe,* Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Buci-Glucksmann C. (1980) *Gramsci and the State.* Translated by D. Fernbach. London: Lawrence and Wishart.

Callinicos A. (2010) *The Limits of Passive Revolution.* Capital & Class, 34 (3): 491-507.

Chicherin B. (1896) *Kurs gosudarstvennoi nauki. V 3 ch. Ch. 2. Sotsiologiia. [The Course of State Science. In 3 vols. Vol. 2. Sociology],* Moscow.

Chryssogelos, A. (2015) Reaction and Adaptation in the Longue Durée: The Far-Right, International Politics and the State in Historical Perspective. R. Saull, A. Anievas, N. Davidson, & A. Fabry (eds) *The Longue Durée of the Far-Right: An International Historical Sociology*, Abingdon and New York: Routhledge: 85-105.

Compagnon A. (2005) *Les antimodernes: de Joseph de Maistre à Roland Barthes,* Paris: Gallimard.

Constant B. (2002 [1797]) *De la force du gouvernement. Des réactions politiques. Des effets de la Terreuractuel de la France & de la nécessité de s'y rallier,* Paris: Éditions du Boucher.

Gingrich M. and M. Banks (eds) (2006) *Neo-nationalism in Europe and Beyond*, London: Berghahn Books.

Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks,* translated and edited by Q. Hoare and G. N. Smith, New York: International Publishers.

Gramsci A. (1995) *Further Selections from the Prison Notebooks*, translated and edited by. D. Boothman, Minneapolis: Minnesota University Press.

Hanson R. (2013) Shall We Vote on Values, But Bet on Beliefs? *Journal of Political Philosophy*, 21 (2): 151-178.

Hardt M., Mezzadra S. (2017) October! To Commemorate the Future. *South Atlantic Quaterly*, 116 (4): 649-668.

Herf J. (1984) *Reactionary Modernism: Technology, Culture, and Politics in Weimar and the Third Reich*, Cambridge: Cambridge University Press.

Herf J. (1996) Reactionary Modernism Reconsidered: Modernity, the West and the Nazis. Z. Sternhell (eds) *The Intellectual Revolt against Liberal Democracy, 1870–1945,* Jerusalem: Israel Academy of Sciences and Humanities: 131-158.

Hirschman A. (2010) *Ritorika reaktsii: izvrashchenie, tshchetnost', opasnost'. [The Rhetoric of Reaction: Perversity, Futility, Jeopardy],* Moscow: Izd. Dom Gos. un-ta — Vysshei shkoly ekonomiki.

Hobsbawm E. (2004) *Epokha krainostei: korotkii dvadtsatyi vek (1914–1991). [The Age of Extremes: A History of the World, 1914-1991],* Moscow: Izdatel'stvo Nezavisimaia Gazeta.

Land N. (2014) *Hyper-racism,* https://alternativeright.blog/2014/10/04/hyper-racism/

Mandel E. (1989) *The Marxist Case for Revolution Today, https://www.marxists.org/archive/mandel/1989/xx/rev-today.htm*

Moldbug M. (2007a) *Neocameralism and The Escalator of Massarchy,* https://www.unqualified-reservations.org/2007/12/neocameralism-and-escalator-of/

Moldbug M. (2007b) *Why am I not a Libertarian*, https://www.unqualified-reservations.org/2007/12/why-i-am-not-libertarian/

Moldbug M. (2008) *An Open Letter to Open-Minded Progressives: Chapter 3: The Jacobite History of the World*, https://www.unqualified-reservations.org/2008/05/ol3-jacobite-history-of-world/

Moler A. (2017) *Konservativnaia revoliutsiia v Germanii 1918-1932. [The Conservative Revolution in Germany in 1918-1932],* Moscow: Totenburg.

Robin C. (2018) *The Reactionary Mind: Conservatism from Edmund Burke to Donald Trump*, New York: Oxford University Press.

Rydgren J. (2005) *Movements of Exclusion: Radical Right-wing Populism in the Western World*, New York: Nova Science.

Seldes G. (1943) *Facts and Fascism*, New York: In Fact.

Starobinski J. (2008) *Deistvie i reaktsiia: zhizn' i prikliuchenie odnoi pary. [Action and Reaction: The Life and Adventures of a Couple],* Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.

Thomas P.D. (2006) *Modernity as "passive revolution": Gramsci and the Fundamental Concepts of Historical Materialism*. Journal of the Canadian Historical Association (CHA), New Series, 17 (2): 61-78.

Virno P., Kayndl K., Sunshine S. (2011) *Tri teksta o novom fashizme. [Three Texts on New Fascism],* M: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo.

Welsh J.F. (2010) *Max Stirner's Dialectical Egoism: A New Interpretation*, Lanham: Lexington Books.

Wodak R. (2018) *Politika strakha. Chto znachit diskurs pravykh populistov? [The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean],* Kharkov: Izdatel'stvo "Gumanitarnyi Tsentr".

Рекомендация для цитирования/For citations:

Симакова М.А. (2018) Политическая реакция как «пассивная революция»: попытка концептуализации. *Социология власти*, 30 (4): 47-68.

Simakova M.A. (2018) Political Reaction as Passive Revolution: Attempting a Conceptualization. *Sociology of Power*, 30 (4): 47-68.

Поступила в редакцию: 19.12.2018; принята в печать: 24.12.2018